

Таинство девственности

Про книгу

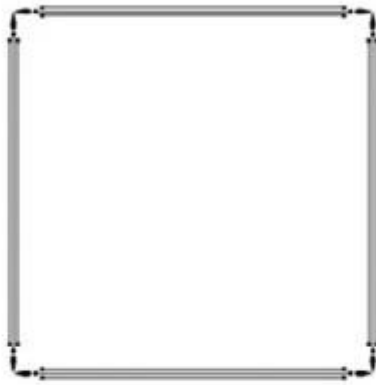
В сборник вошли наиболее известные произведения Зигмунда Фрейда, выдающегося австрийского ученого, основателя теории психоанализа: «Психология масс и анализ человеческого «Я», «Будущее одной иллюзии», «О нарциссизме», «Таинство девственности», «К теории полового влечения», «Из истории одного детского невроза».

Автор делает революционные выводы как о поведение отдельных людей, так и о коллективной психологии масс.

Зигмунд
ФРЕЙД

ТАИНСТВО
ДЕВСТВЕННОСТИ

Friday P. 188.

ЗИГМУНД ФРЕЙД

**Психология масс и анализ
человеческого «Я»**

Будущее одной иллюзии

Таинство девственности

О нарциссизме

**Об особом типе
«выбора объекта» у мужчины**

К теории полового влечения

**Из истории
одного детского невроза**

ХАРЬКОВ БЕЛГОРОД 2015 **КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

ISBN 978-966-14-9818-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Фрейд З.

Ф86 Таинство девственности / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем.
Я. М. Когана, под ред. И. Д. Ермакова, А. В. Вяхирева,
И. Е. Полякова, М. В. Вульфа, О. Б. Фельцмана ; вступ. ст. С.
Цвейга, пер. с нем. С. И. Бернштейна. — Харьков : Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб
семейного досуга”», 2015. — 432 с.

ISBN 978-966-14-9318-5 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3327-5 (Россия)

УДК 159.964.2
ББК 88.3

Перевод с немецкого:

Я. М. Когана («Психология масс и анализ человеческого “Я”»)

Под ред. *И. Д. Ермакова* («Будущее одной иллюзии»)

А. В. Вяхирева, И. Е. Полякова («Таинство девственности»,
«О нарциссизме», «К теории полового влечения»)

М. В. Вульфа («Об особом типе “выбора объекта” у мужчины»)

М. В. Вульфа, О. Б. Фельцмана («Из истории одного детского невроза»)

Вступительная статья *С. Цвейга* в переводе *С. И. Бернштейна*

Примечания *И. В. Кивель*

Переводы произведений *З. Фрейда* заново отредактированы,
текст исправлен в соответствии с современными языковыми нормами
и принятой в современном психоанализе терминологией

В оформлении обложки использовано фото *Зигмунда Фрейда*, 1926 г.

Фотограф *Макс Хальберштадт*

© *И. В. Кивель*, составление, примечания, 2014

© ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», издание на русском языке, художественное оформление, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2015

Стефан Цвейг. Толкование снов¹

¹

Из книги С. Цвейга «Исцеление духом (Месмер. Мари Бейкер-Эдди. Фрейд)». Перевод С. И. Бернштейна. — *Примеч. ред.*

Как это люди до сих пор так мало раздумывали о содержании наших снов, свидетельствующем о наличии двойной жизни в человеке? Разве в этом явлении не заключена целая новая наука?.. Оно, по меньшей мере, подтверждает факт постоянного разрыва между сторонами нашей природы. Я в конце концов вынес из этого убеждение в преимущественной мощи скрытых наших чувств над явными.

Бальзак, Луи Ломбер, 1833 г.

Бессознательное — глубочайшая тайна всякого человека; психоанализ ставит себе задачей помочь ему в раскрытии этой тайны. Но как раскрывается тайна? Трояким образом. Можно силой исторгнуть у человека то, что он утаивает; столетия пыток показали наглядно, каким способом можно разжать и упрямо стиснутые губы. Далее, можно путем различных сопоставлений угадать скрытое, пользуясь короткими мгновениями, когда смутный абрис тайны — подобно спине дельфина над непроницаемой гладью моря — на секунду всплывает из мглы. И можно, наконец, с величайшим терпением дожидаться случая, когда, в состоянии ослабленной настороженности, высказано будет то, что скрывалось.

Всеми этими тремя техническими приемами пользуется попеременно психоанализ. На первых порах он пытался насильственно заставить заговорить бессознательное, подавляя волю гипнотическим внушением. Психологам давно уже было известно, что человек знает о себе больше, чем он сознательно признает перед самим собой и другими, но они не умели толком подойти к подсознательному.

Только месмеризм* показал впервые, что в состоянии искусственного сна из человека нередко можно извлечь больше, чем в состоянии бодрствования. Тот, чья воля парализована, кто пребывает в трансе, не знает, что он говорит в присутствии других; он полагает, что находится в мировом пространстве наедине с самим собой, и выбалтывает, не смущаясь, сокровеннейшие свои желания и тайны. Поэтому гипноз казался поначалу самым многообещающим методом; но вскоре (по соображениям, которые завели бы нас слишком далеко в детали дела) Фрейд отказывается от насильственного вторжения в бессознательное как от способа неэтического и малопродуктивного; подобно тому как судопроизводство, на более гуманной ступени, добровольно отказывается от пытки, заменяя ее более сложным искусством допроса и косвенных улик, так и психоанализ вступает в эпоху комбинирования и догадок из эпохи насильственно добытых признаний. Всякая дичь, как бы ни была она проворна и легка на ходу, оставляет следы. И в точности так же, как охотник по самым слабым отпечаткам ног угадывает поступь и породу зверя, как археолог по осколку вазы устанавливает принадлежность к той или иной эпохе целого города, погребенного под землей, и психоанализ практикует в этой последующей стадии развития свое искусство тайного розыска, пользуясь малейшими указаниями, при посредстве которых бессознательное проявляет себя в данный момент в пределах сознательной жизни. Уже при первых своих наблюдениях в направлении этих указаний Фрейд обнаружил поразительные следы, а именно так называемые ошибочные действия. Под ошибочными действиями (для каждого нового понятия Фрейд неизменно находит особо меткое слово) глубинная психология понимает совокупность всех тех своеобразных явлений, которые человеческая речь, величайшая и старейшая представительница психологического опыта, давно уже объединила в одну целостную группу и обозначила одинаковым начальным слогом «о», как то: о-говориться, о-писаться, о-ступиться, о-слышаться. Пустяк, без сомнения: человек оговаривается, произносит одно слово вместо другого, принимает один предмет за другой, описывается, пишет вместо одного другое слово, с каждым случается такая ошибка десять раз на дню. Но откуда берутся эти опечатки в книге жизни? В чем причина того, что материя

противится нашей воле? Ни в чем — случай или усталость, отвечала старая психология, поскольку она вообще не удостаивала своим вниманием столь незначительные изъяны повседневной жизни. Отсутствие всякой мысли, рассеянность, невнимательность. Но Фрейд берет за дело вплотную: что значит отсутствие мысли, как не то, что наши мысли не там, где надлежало бы им быть в согласии с нашей волей? И если в результате не осуществляется диктуемое волею намерение, то откуда выскакивает другое, волей не продиктованное? Почему вместо того слова, которое мы хотим произнести, мы произносим другое? Так как при ошибочных действиях вместо действия преднамеренного совершается другое, то кто-то должен был вмешаться и это действие воспроизвести. Должен быть кто-то, кто добывает это неправильное слово вместо правильного, кто прячет предмет, который мы ищем, кто коварно подсовывает вместо сознательно разыскиваемого другой предмет. И вот Фрейд приходит к убеждению (и эта идея становится первенствующей в его методике), что на всем пространстве психики нет ничего бессмысленного, случайного. Для него всякий душевный процесс имеет определенный смысл, всякий поступок — своего вдохновителя; и так как в этих ошибочных действиях сознательная сфера человека не участвует, но оттесняется, то что же такое эта оттесняющая сила, как не бессознательное, столь долго и безуспешно разыскиваемое? Таким образом, ошибочное действие означает для Фрейда не отсутствие мысли, но проникновение вовне некоей оттесненной мысли. Что-то высказывает себя в о-говорке, в о-писке, чему не давала выхода в речь наша сознательная воля. И это что-то говорит неведомым и подлежащим еще изучению языком бессознательного.

Этим самым объяснено нечто основное: во-первых, в каждом ошибочном действии, во всем якобы неправильно проделанном, выражается какое-то тайное намерение. И во-вторых: в области сознательной воли должно было быть налицо сопротивление этому проявлению бессознательного. Когда, например (я беру примеры самого Фрейда), профессор говорит на конгрессе о работе своего товарища: «Мы не в состоянии дать достаточно низкой оценки этому открытию», то сознательным его намерением было, правда, сказать

«высокой», но в глубине своей души он думал «низкой». Это ошибочное действие выдает его истинную установку, оно, к его собственному ужасу, выдает его тайну, состоящую в том, что он охотнее недооценил бы работу своего товарища, чем переоценил ее. Или если некая искушенная в туризме дама жалуется во время экскурсии, что у ней намокли от жары блуза и рубашка, и потом продолжает: «Если бы только скорее добраться до панталон и сбросить все!» — то кто же не поймет того, что поначалу она хотела высказаться полнее и сообщить, что у нее намокли блуза, рубашка и панталоны². Понятие «панталоны» было близко к тому, чтобы соскочить с языка, но в последний момент является сознание непристойности положения; это сознание преграждает путь слову и оттесняет его; но подавленное намерение не до конца вытеснено, и вот роковое слово выскакивает, пользуясь мигмом растерянности, в следующей фразе, в качестве «ошибочного действия». При обмолвке высказывают то, чего собственно не хотели сказать, но что думали в действительности. Забывают то, что в глубине души хотели забыть. Теряют то, что хотели потерять. Ошибочное действие почти всегда означает признание и улику против самого себя.

2

Не поддающаяся переводу обмолвка: в подлиннике «nach Nose» вместо «nach Hause». Nose — «панталоны», nach Hause — «домой». — *Примеч. перев.*

Это психологическое открытие Фрейда, незначительное по сравнению с основными его творческими мыслями, встретило, в ряду его наблюдений, наиболее единодушное признание со стороны, как самое забавное и безобидное; в пределах же его системы ему принадлежит только промежуточная роль. Ибо такие ошибочные действия имеют место сравнительно редко, они являются лишь мельчайшими осколками бессознательного, слишком малочисленными и слишком рассеянными во времени, чтобы можно было составить из них мозаику целого. Но Фрейд, с присущей ему жаждой наблюдательности, нащупывает, конечно, исходя отсюда, всю нашу душевную жизнь по ее поверхности: нет ли налицо и других столь же

«бессмысленных» явлений и нельзя ли их растолковать в том же смысле. Ему не приходится долго искать, чтобы столкнуться с наиболее постоянным явлением душевной нашей жизни, которое точно так же слывет бессмысленным и считается даже типичной бессмыслицей. Даже в разговорном языке сон, этот повседневный наш гость, характеризуется как назойливый пришелец и фантастический бродяга по логически безупречным путям нашей мозговой системы: «сновидения — пена». В глазах людей это — ничто, расцвеченная, как мыльный пузырь, пустота без цели и без смысла, мираж в крови; их содержание ничего не «означает». Человеку нечего делать со своими снами, он не повинен в этой своенравной, колдовской игре своей фантазии — так аргументирует старая психология и отказывается от всякого осмысленного их толкования; пускаться в серьезные разговоры с этими лживыми и бестолковыми созданиями не представляет для науки никакого смысла, никакой ценности.

Но кто же говорит, показывает, живописует, действует и создает образы в наших сновидениях? Уже прежняя эпоха подозревала, что здесь говорит, действует и проявляет свою волю не наше бодрствующее «я», а кто-то другой. Уже древность поясняла относительно сновидений, что они нам «даны», вложены в нас какой-то высшей силой. Здесь проявляет себя какая-то сверхземная или — если отважиться на это слово — какая-то сверхличная воля. А для всякой внечеловеческой воли древний мир мифов знал только одно толкование: боги! — ибо кто же кроме них обладал даром превращения и высшей силой? Это были они, обычно незримые; в символических сновидениях приближались они к людям, нашептывали им вести, наполняли их ужасом или надеждой и рисовали на черной завесе сна красочные свои картины, предостерегая и заклиная. Уверенные, что внемлют в этих ночных откровениях священным, более того, божеским голосам, все первобытные народы с величайшим жаром пытались уразуметь человеческим своим умом божественный язык «сновидения», чтобы постигнуть в нем волю божества.

Так на заре человечества, в качестве одной из самых ранних наук, возникло толкование снов; перед каждой битвой, перед каждым

решающим событием, по прошествии ночи, исполненной сновидений, жрецы и прорицатели вникают в сны и толкуют их содержание как символ грядущего блага или угрожающего зла. Ибо древнее искусство толкования снов, в противоположность психоанализу, раскрывающему с их помощью человеческое прошлое, полагает, что в этих фантазмагориях бессмертные возвещают смертным их будущее. И вот тысячелетиями царит в храмах фараонов, в акрополях Греции, в святилищах Рима и под палящим небом Палестины эта мистическая наука. Для сотен и тысяч поколений сновидение было наиболее достоверным толкованием судьбы.

Новая эмпирическая наука, само собой разумеется, резко порывает с этим воззрением, как с суеверным и до крайности наивным. Так как она не признает никаких богов и едва ли признает божество, то не видит в снах ни указания свыше, ни какого-либо смысла вообще. Для нее сны — это хаос, по неимению смысла не имеющий никакой цены, голый физиологический акт, лишенное тональности, дисгармоническое последствие нервных возбуждений, красочный мираж переполненного кровью мозга, последний, не имеющий значения отголосок непереваренных за день впечатлений, который уносится мутной волною сна. В таком беспорядочном нагромождении образов нет, разумеется, никакого логического или психического смысла. Поэтому наука не усматривает в чередовании сновидений ни достоверности, ни цели, отрицая какое бы то ни было их значение или закономерность; психология того времени не делает даже попыток осмыслить бессмысленное, истолковать не поддающееся толкованию.

Только с появлением Фрейда — по прошествии двух-трех тысячелетий — сновидение получает опять объективную ценность, как некий указующий на судьбу человека акт. Там, где другие видели только хаос, беспорядочное движение, глубинная психология вновь постигает закономерное действие сил; то, что казалось ее предшественникам запутанным лабиринтом без выхода и без смысла, представляется ей *via regia**, связывающей подсознательную жизнь с сознательной. Сновидение является посредником между миром наших потайных чувств и миром чувств, подчиненных нашему сознанию; благодаря ему мы можем знать многое такое, что

в состоянии бодрствования соглашаемся знать неохотно. Ни один сон, утверждает Фрейд, не является до конца бессмысленным, каждому из них, как полноценному душевному акту, присущ определенный смысл. В каждом проявляется себя не высшая правда, не божественная, не внечеловеческая воля, но зачастую самая затаенная, самая глубокая воля человека. Правда, этот вестник не говорит языком обыкновенной нашей речи, языком поверхностным, — он говорит языком глубины, языком бессознательного. Поэтому мы не сразу постигаем его смысл и его назначение; мы должны сперва научиться истолковывать этот язык. Новая, подлежащая еще разработке наука должна научить нас закреплять, постигать, переводить на понятный нам язык то, что с кинематографической быстротою мелькает на черной завесе сна. Ибо подобно всем первобытным языкам человечества, подобно языку египтян, халдеян и мексиканцев, язык сновидений пользуется исключительно образами, и всякий раз мы стоим перед задачей претворить его символы в понятия. Эту задачу — преобразовать язык сновидений в язык мысли — берет на себя Фрейд, имея в виду нечто новое и характерное для его метода. Если старая, пророческая система толкования снов пыталась познать будущее человека, то вновь возникшая психологическая система прежде всего хочет вскрыть его психобиологическое прошлое, а с ним вместе и подлинное его настоящее. Ибо только по видимости наше выступающее в сновидениях «я» идентично нашему «я» бодрствующему. Так как времени во сне не существует (не случайно мы говорим «с быстротою сновидения»), то во сне мы представляем совокупность всего, чем были когда-либо и что мы теперь; наше «я» одновременно и младенец, и отрок, человек вчерашнего дня и человек сегодняшней, суммарное «я», итог не только текущей, но и прожитой жизни, между тем как наяву мы воспринимаем единственно наше мгновенное «я». Всякая жизнь двойственна. В глубине, в бессознательном, мы являем собой совокупность нашей личности, бывшее и настоящее, первобытного человека и человека культурного в их нагромождении чувств, архаические остатки некоего пространного, с природой связанного «я», а сверху, в ясном, режущем свете дня — только сознательное, преходящее «я». И эта универсальная, но смутная жизнь сообщается

с нашим преходящим существованием почти исключительно ночью, при посредстве таинственного гонца во тьме — сновидения; самое существенное, что мы в себе постигаем, узнаем мы от него. Потому-то подслушать его, понять его назначение и значит ознакомиться с самым существом своей сущности. Только тот, кто знает свою волю не только в пределах сознания, но и в глубине своих сновидений, догадывается, поистине, о том итоге пережитой и преходящей жизни, который мы именуем нашей личностью.

Но как опустить грузило в столь непроницаемые и безмерные глубины? Как познать отчетливо то, что никогда ясно не высказывается, что мелькает только смутными личинами в затененных переходах нашего сна, что вещает только, вместо того чтобы говорить? Найти для этого ключ, найти расколдовывающий шифр, который бы выразил непонятный язык сновидений языком яви, — это требует своего рода магии, какой-то провидческой интуиции. Но Фрейд в своей психологической мастерской обладает отмычкой, которая раскрывает все двери, он пользуется почти безошибочной механикой; во всех случаях, когда он хочет достигнуть самых сложных результатов, он исходит из самого примитивного. Неизменно ставит он изначальную форму на один уровень с конечной; всегда и повсюду нащупывает он корни, чтобы ознакомиться с цветком. Поэтому Фрейд в своей психологии сна начинает не с высококультурного, сознательного человека, а с ребенка. Ибо в детском сознании, в пределах наличных представлений, мало имеется смежных, соприкасающихся понятий, круг мышления ограничен, ассоциации слабы, и потому материал сновидений доступен обозрению. В отношении детских снов достаточно минимальной дозы искусства толкования, чтобы сквозь тонкую оболочку мышления проникнуть в область затаенных чувственных восприятий. Ребенок прошел мимо кондитерской, родители не согласились купить ему что-либо, и вот ребенок видит во сне шоколад. Полностью неотстоявшимся, полностью неокрашенными претворяются в детском мозгу вожделение в образ, желание — в сновидение. Нет еще налицо каких бы то ни было душевных, моральных, сексуальных, интеллектуальных комплексов, какой-либо чрезмерной предусмотрительности или

оглядки. С той же непосредственностью, с какой ребенок демонстрирует себя, свое голое и чуждое стыдливости тело всякому постороннему, раскрывает он и во сне свои подлинные желания.

Этим самым проделана уже некоторая подготовительная работа в целях будущего толкования. Оказывается, что за символическими образами сна скрываются по большей части неисполнившиеся, подавленные желания, которые не могли осуществиться днем и вот устремляются теперь обратно в жизнь путями сновидения. То, что по каким-либо причинам не могло воплотиться днем в слово или в действие, выявляет себя там в красочных фантазиях, при посредстве образов и очертаний; в ускользающем от контроля потоке сна все вожеления и устремления нашего внутреннего «я» могут свободно и во всей наготе вести свою беспорядочную игру. С виду как будто без всяких задержек — вскоре Фрейд исправит эту ошибку — изживается там все то, что не могло воплотиться в реальной жизни, самые темные желания, опаснейшие и запретнейшие помыслы; в этой свободной от постороннего контроля области душа, изо дня в день стесняемая преградами, может наконец освободиться от бремени всех своих сексуальных и агрессивных вожелений; во сне мужчина может обнять и силою овладеть женщиной, которая наяву ему противится, нищий может разбогатеть, урод — обзавестись красивой внешностью, старик — помолодеть, отчаявшийся в жизни — стать счастливым, всеми забытый — снискать славу, слабый — обрести силу. Только здесь человек может убить своего врага, поработить своего начальника, экстатически изжить наконец в обладании божественной свободой свои затаеннейшие чувственные вожеления. Всякое сновидение означает, таким образом, не что иное, как изо дня в день подавляемое человеком и даже от самого себя скрываемое желание; так, по-видимому, гласит первичная формула.

Это первое в ряду других положение Фрейда не произвело сколько-нибудь определенного впечатления на широкую общественность, так как формула «сновидение — это как бы неизжитое желание» столь доступна в обращении и удобна, что ею можно играть, как стеклянным шариком. И действительно, в некоторых кругах полагают, что серьезно занимаются анализом сновидений, развлекаясь забавной салонной

игрой, выражающейся в толковании того или иного сна с точки зрения символики желаний или даже сексуальной символики. В действительности никто более благоговейно, чем именно Фрейд, не взирал на многосложность той ткани, из которой сотканы сновидения, и на высокохудожественную мистику ее хитросплетений; никто не подчеркивал этого вновь и вновь так, как Фрейд. При его недоверчивом отношении к слишком быстрым выводам не потребовалось много времени, чтобы заметить, что вся эта доступность и быстрота восприятия относятся только к детским снам, ибо у взрослых фантазия образотворчества пользуется уже необъятным символическим материалом ассоциаций и воспоминаний. И тот образный словарь, который в детском мозгу насчитывает каких-нибудь двести-триста обособленных представлений, сплетает здесь, с непостижимым проворством и быстротой, миллионы и, может быть, миллиарды пережитых мгновений в непомерно запутанную ткань. Миновали в сновидениях взрослого бессознательное бесстыдство и неприкрытость детской души, свободно выявлявшей свои желания, миновала болтливая непринужденность прежней поры ночных видений; сон взрослого не только дифференцированнее, но и тоньше, затаеннее, неискреннее, лицемернее, чем сон ребенка; он стал уже наполовину моральным. Даже в этом призрачном, личном своем мире изначально сущий в человеке Адам утратил рай непосредственности, он различает добро и зло даже в глубоком сне. Доступ к социальному, к этическому сознанию даже во сне не до конца прегражден, и в то время, как глаза сомкнуты и затуманены все чувства, душа человеческая испытывает страх: как бы не застигла ее, с ее непристойными желаниями, с преступными ее намерениями, ее укротительница, совесть, «Сверх-Я», как именует ее Фрейд. Не свободными путями, открыто и без утайки, шлет сновидение свою весть ввысь, из области бессознательного, но проводит ее контрабандным путем, потайными дорогами, в самой затейливой маскировке. Поэтому Фрейд настоятельно предостерегает против того, чтобы рассматривать структуру сна как его истинное содержание. В сновидении взрослого чувство хочет высказаться, но не решается высказаться свободно. Оно высказывается, из страха перед

«цензором», намеренно извращенно и чрезвычайно тонко, оно неизменно выдвигает на первый план бессмыслицу, чтобы не дать возможности разгадать подлинный смысл; как и всякий сочинитель, сновидение создает вымышленную правду, иначе говоря, оно признается «sub rosa»*, оно раскрывает тайное переживание только в символах. Следует поэтому тщательно разграничивать две категории: то, что «вымышлено» во сне ради утайки, так называемую «продукцию сна», и те подлинные элементы переживаний, которые скрываются за этой красочной завесой, — «содержание сна». Задачей психоанализа является, таким образом, разобраться в запутанной сети искажений и высвободить из загадочного романа — всякое сновидение ведь «вымысел и правда» — правду, действительное признание и вместе с ним ключ к разгадке. Не то, что говорит сон, а то, что он собственно хотел сказать, вводит нас в область бессознательных душевных переживаний. Только здесь обретаем мы глубину, к которой стремится глубинная психология.

Если Фрейд придает анализу сновидений особое значение в деле распознавания личности, то этим он ни в коем случае не толкает нас на смутные, произвольные толкования. Фрейд требует научно-кропотливого метода исследования, подобного тому, которое применяется литературоведами при подходе к поэтическому произведению. Так же, как германист пытается отграничить подлинный мотив переживания от фантастических прикрас и спрашивает себя, что, собственно, побудило автора к этому именно образу — как, например, в эпизоде с Гретхен* усматривает он, в качестве импульса, подмену переживания с Фридерикою, так и психоаналитик ищет в измышленных своим пациентом сновидениях побудительный аффект. Образ данного лица обрисовывается перед ним всего явственнее в создаваемых этой личностью образах; здесь, как и всегда, Фрейд глубже всего познает человека в состоянии продуктивности. Но так как познание личности является, собственно, основной целью психоаналитики, то ему приходится крайне осмотрительно пользоваться творческими тенденциями человека, материалом его сновидений; если он остерегается увлечений, противится соблазну измыслить и вложить в чужое сновидение свой собственный смысл, то

во многих случаях он способен отвоевать позиции, весьма важные для ориентировки во внутреннем мире личности. Несомненно, антропология обязана Фрейдю, столь плодотворно установившему психическую осмысленность ряда сновидений, ценными моментами в своем развитии; но помимо этого, в процессе работы ему удалось достигнуть и большего, а именно впервые истолковать биологический смысл сновидения как некоей душевной необходимости. Наука уже давно постигла, что значит сон в хозяйственном обиходе мироздания; он восстанавливает истощившиеся за день силы, возобновляет израсходованную нервную энергию, устанавливает перерыв и отдых в сознательной работе мозга. В соответствии с этим казалось бы, что совершеннейшей с гигиенической точки зрения формой сна должна быть, собственно, абсолютная, черная пустота, родственное смерти погружение в небытие, приостановка работы мозга, утрата зрения, понимания, мыслительной способности. Почему же природа не наделила человека такой, с виду наиболее целесообразной формой отдохновения? Почему, при неизменной осмысленности всех ее явлений, она оживила черную завесу сна колдовской игрой видений? Почему каждую ночь тревожит она эту пустоту, этот путь в нирвану столь соблазнительным для души мельканием мнимой яви? К чему сновидения? Разве они не связывают, не смущают, не расстраивают, не противодействуют столь мудро задуманному отдохновению? С виду бессмысленные, разве они не опорочивают идею целесообразности и планомерности природных явлений? На этот вполне естественный вопрос биология ничего до сих пор не могла ответить. И лишь Фрейд устанавливает впервые, что сновидения необходимы для утверждения нашего душевного равновесия. Сновидение — это клапан для нашего чувства. Ибо в слабое и брненное наше тело вложено слишком много могучих страстей, непомерное жизнелюбие и непомерная жажда утех, и как мало желаний, из миллиарда имеющихся налицо, может удовлетворить рядовой человек в пределах мещански-размеренного дня! Едва ли тысячная часть наших вожделений воплощается в жизнь; и вот неутоленная и неутомимая, в бесконечность простирающаяся жажда томит каждого, вплоть до мелкого рантье, поденщика и призреваемого в богадельне. Каждого из нас обуревают темные

влечения, бессильное властолюбие, подавленные и трусливо притаившиеся анархические помыслы, извращенное тщеславие, позывы к жизни, зависть. Из несчетного числа проходящих мимо нас женщин каждая в отдельности вызывает в нас мгновенную страсть, и все эти неизжитые порывы, позывы к обладанию змеиным, ядовитым клубком скапливаются в подсознании, с раннего утра и до поздней ночи. Если бы ночные видения не давали исхода всем этим подавленным желанием, могла ли бы душа не разлететься под таким атмосферным давлением или не прорвать себе выхода в преступление и убийство? Выпуская наши вожделения, непрестанно утесняемые в пределах дня, на свободу, в безобидные области сновидений, мы снимаем тяжкое бремя с нашего чувства, мы освобождаем, путем такого самоотвлечения, нашу душу от яда угнетенности, подобно тому как наше тело освобождается во сне от яда усталости. В этом нам одним доступном воображаемом мире мы изживаем все наши социально-преступные помыслы в форме безответственных, мнимых действий, вместо того чтобы изживать их как действия, влекущие кару. Сновидение означает суррогат, замену действия; оно избавляет нас нередко от необходимости действовать, и в высшей степени поучительно изречение Платона: «Хорошие люди — это такие, которые довольствуются снами, в то время как другие действуют». Не в качестве помехи жизни, помехи сна, а в качестве стража сна посещает нас сновидение; в спасительной его фантастике душа освобождается, галлюцинируя, от избытка своей напряженности («Что скопилось в сердце, расчихал во сне» — гласит выразительная китайская поговорка), так что по утрам наше посвежевшее тело обретает в себе, вместо переполненной души, душу очистившуюся и легко дышащую.

Это облегчающее, катарсическое действие сновидения является, по Фрейдю, тем самым его смыслом, которого так долго искали и который так упорно отрицался; и этим спасительным свойством обладает не только ночной пришелец, сон, но и высшая форма фантастики и грез наяву, а стало быть и художественное творчество и мифотворчество. Ибо какую же цель преследует творчество, как не избавить, символически, человека от томительных внутренних перенапряжений,

перенести гнетущую его силу в другую, безопасную для его духа область! В каждом истинно художественном произведении образотворчество является творчеством самовысвобождения, и если Гёте говорит, что Вертер покончил самоубийством вместо него, то этим он с необычайной выразительностью поясняет, что спас свою собственную жизнь, осуществив задуманное им самоубийство на другом, вымышленном образе, двойнике; выражаясь психоаналитически, он «отреагировал» свое самоубийство в самоубийстве Вертера. И подобно тому, как отдельные личности освобождаются от гнета и от вождления во сне, так и народы в целом высвобождают томящий их страх и присущие им страсти в мифах и религиях; на жертвенных алтарях освящается их инстинкт кровопролития, маскирующийся в символ, душевный гнет претворяется молитвою и покаянием в целительное слово утешения. Душа человечества выявляла себя от начала веков лишь в художественной фантастике, иначе что бы мы о ней знали! Ее творческая мощь постигается нами только в ее сновидениях, воплощенных в религию, мифы и произведения искусства. Никакая психология поэтому не в состоянии — это прочно внушил нашей эпохе Фрейд — доискаться до подлинно личного в человеке, если она рассматривает только его сознательные и ответственные действия; ей приходится спуститься вглубь, туда, где существо человека становится мифом и создает неподлиннейшую картину его жизни, в творчески-стремительном потоке стихийно-бессознательного.

Психология масс и анализ человеческого «Я»

I. ВВЕДЕНИЕ

Противопоставление индивидуальной и социальной, или массовой, психологии, которая на первый взгляд может показаться столь значительной, многое теряет при ближайшем рассмотрении. Правда, психология личности исследует индивида и те пути, которыми он стремится удовлетворить свои импульсивные позывы, но все же редко, только при определенных исключительных обстоятельствах, в состоянии она не принимать во внимание отношения этого индивида к другим индивидам. В психической жизни человека всегда присутствует «другой». Он, как правило, является образцом, объектом, помощником или противником, и поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной в этом расширенном, но вполне обоснованном смысле.

Отношение индивида к родителям, сестрам и братьям, к предмету его любви, к его учителю и к его врачу, т. е. все отношения, которые до сих пор были главным образом предметом психоаналитического исследования, имеют право считаться социальными феноменами и становятся тогда противопоставленными другим известным процессам, названным нами нарциссическими, при которых удовлетворение первичных позывов уклоняется или отказывается от влияния других лиц. Итак, противопоставленность социальных и нарциссических душевных процессов — Блейлер*, может быть, сказал бы: аутических — несомненно входит в область психологии личности и не может быть использована с целью отделить эту психологию от психологии социальной или массовой.

В упомянутых отношениях к родителям, сестрам и братьям, к возлюбленной, к другу, учителю и к врачу индивид встречается с влиянием всегда лишь одного лица или очень незначительного числа лиц, из которых каждое приобрело для него очень большое значение. Теперь — если речь идет о социальной, или массовой, психологии — эти отношения перестали принимать во внимание, выделяя как предмет особого исследования одновременное влияние на одного

человека большого числа лиц, — с которыми он чем-то связан, хотя они во многом могут ему быть чужды. Таким образом, массовая психология рассматривает отдельного человека как члена племени, народа, касты, сословия, институции или как составную часть человеческой толпы, в известное время и для определенной цели организующейся в массу. Такой разрыв естественной связи породил тенденцию рассматривать явления, обнаруживающиеся в этих особых условиях, как выражение особого глубже не обоснованного первичного позыва — социального первичного позыва, — который в других ситуациях не проявляется. Мы, однако, возражаем, что нам трудно приписать таким многочисленным моментам столь большое значение, что лишь один первичный позыв пробуждает в душевной жизни человека новый и в других случаях остававшийся в бездействии импульс. Тут существуют тем самым две другие возможности: что социальный первичный позыв может не являться исконным и неделимым и что причины его образования могут быть найдены в кругу более тесном, как, например, в семейном.

Массовая психология, пусть только зарождающаяся, включает в себя еще необозримое множество отдельных проблем и ставит перед исследователем бесчисленные, пока еще не систематизированные задачи. Одна только систематизация различных форм возникновения масс и описание проявленных ими психических феноменов требуют усиленных наблюдений и умелого отображения и уже породили большую научную литературу. Сравнивая эту небольшую работу со всем объемом поставленных задач, следует, конечно, учесть, что здесь мы обсуждаем лишь немногие пункты из всего материала. Мы остановимся лишь на некоторых вопросах, особенно интересных для глубинного психоаналитического исследования.

II. ЛЕБОН И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА МАССОВОЙ ДУШИ

Думается, что более целесообразно начинать не с определения, а с указания на известную область явлений, а затем уже выделить из этой области несколько особенно явных и характерных фактов, с которых может начаться исследование. Чтобы выполнить эти условия, мы обращаемся к выдержкам из книги Лебона «Психология масс», по праву получившей широкую известность.

Уясним себе еще раз положение вещей; если бы психология, наблюдающая склонности и исходящие из первичных позывов импульсы, мотивы и намерения отдельного человека вплоть до его поступков и отношений к наиболее близким ему людям, полностью свою задачу разрешила и все эти взаимосвязи выяснила, то она внезапно оказалась бы перед новой неразрешенной задачей. Психологии пришлось бы объяснить тот поразительный факт, что этот ставший ей понятным индивид при определенном условии чувствует, думает и поступает совершенно иначе, чем можно было бы от него ожидать, и условием этим является его включение в человеческую толпу, приобретающую свойство «психологической массы». Но что же такое «масса», чем приобретает она способность так решительно влиять на душевную жизнь отдельного человека и в чем состоит душевное изменение, к которому она человека вынуждает?

Ответить на три эти вопроса — задача теоретической массовой психологии. Нам думается, что для разрешения задачи правильнее всего начать с третьего вопроса. Материал для массовой психологии дает наблюдение над измененной реакцией отдельного человека: ведь каждой попытке объяснения должно предшествовать описание того, что надлежит объяснить.

Я предоставляю слово самому Лебону. Он говорит: «В психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, профессия, их характер и степень интеллигентности, но одним только фактом своего превращения

в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Есть идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массы. Психологическая масса есть провизорное существо, которое состоит из гетерогенных элементов, на мгновение соединившихся, точно так же, как клетки организма своим соединением создают новое существо с качествами совсем иными, чем качества отдельных клеток».

Мы берем на себя смелость прервать здесь изложение Лебона замечанием: если индивиды в массе образуют единство, то должно существовать что-то, что их связывает, и этим связующим качеством могло бы быть именно то, что характерно для массы. Лебон, однако, на этот вопрос не отвечает; он обсуждает только изменение индивида в массе и описывает его в выражениях, которые вполне согласуются с основными предпосылками нашей глубинной психологии.

«Легко установить степень различия между индивидом, принадлежащим к массе, и индивидом изолированным, менее легко вскрыть причины этого различия.

Чтобы хоть приблизительно найти эти причины, нужно прежде всего вспомнить факт, установленный современной психологией, а именно, что не в одной лишь органической жизни, но и в интеллектуальных функциях преобладающую роль играют бессознательные феномены. Сознательная умственная жизнь представляет собой лишь довольно незначительную часть бессознательной душевной жизни. Тончайший анализ, острейшее наблюдение способны обнаружить лишь малое количество сознательных мотивов душевной жизни. Наши сознательные действия исходят из созданного бессознательного субстрата в особенности под влиянием наследственности. Субстрат этот содержит в себе бесчисленные следы прародителей, следы, из которых создается расовая душа. За мотивами наших поступков, в которых мы признаемся, несомненно, существуют тайные причины, в которых мы не признаемся, а за ними есть еще более тайные, которых мы даже и не знаем. Большинство наших повседневных

поступков есть лишь воздействие скрытых, не замечаемых нами мотивов».

В массе, по мнению Лебона, стираются индивидуальные достижения отдельных людей и, тем самым, исчезает их своеобразие. Расовое бессознательно проступает на первый план, гетерогенное тонет в гомогенном. Мы сказали бы, что сносится, обессиливается психическая надстройка, столь различно развитая у отдельных людей, и обнажается (приводится в действие) бессознательный фундамент, у всех одинаковый.

Таким путем возник бы усредненный характер массовых индивидов. Лебон, однако, находит, что у этих индивидов наличествуют и новые качества, которыми они раньше не обладали, и ищет причины этого в трех различных моментах.

«Первая из этих причин состоит в том, что в массе, в силу одного только факта своей множественности, индивид испытывает чувство неодолимой мощи, позволяющее ему предаться первичным позывам, которые он, будучи в одиночестве, вынужден был бы обуздывать. Для обуздания их повода еще меньше, так как при анонимности, а тем самым, и безответственности масс, совершенно исчезает чувство ответственности, которое всегда сдерживает индивида».

Появлению новых качеств мы, с нашей точки зрения, придаем меньше значения. Для нас достаточно было бы сказать, что в массе индивид попадает в условия, разрешающие ему устранить вытеснение бессознательных первичных позывов. Эти якобы новые качества, которые он теперь обнаруживает, являются на самом деле как раз выявлением этого бессознательного, в котором в зародыше заключено все зло человеческой души; угасание при этих условиях совести или чувства ответственности нашего понимания не затрудняет. Мы давно утверждали, что зерно так называемой совести — «социальный страх».

«Вторая причина — заражаемость — также способствует проявлению у масс специальных признаков и определению их направленности. Заражаемость есть легко констатируемый, но необъяснимый феномен, который следует причислить к феноменам гипнотического рода, к изучению которых мы тут же и приступим. В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и при том

в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом в пользу интереса общества. Это — вполне противоположное его натуре свойство, на которое человек способен лишь в качестве составной части массы».

Эту последнюю фразу мы возьмем впоследствии как обоснование для предположения большой значимости.

«Третья и притом важнейшая причина обуславливает у объединенных в массу индивидов особые качества, совершенно противоположные качествам индивида изолированного. Я имею в виду внушаемость, причем упомянутая заражаемость является лишь ее последствием.

Для понимания этого явления уместно восстановить в памяти новые открытия физиологии. Мы теперь знаем, что с помощью разнообразных процедур человека можно привести в такое состояние, что он после потери своей сознательной личности повинуетя внушениям лица, лишившего его сознания своей личности, и что он совершает действия, самым резким образом противоречащие его характеру и навыкам. И вот самые тщательные наблюдения показали, что индивид, находящийся в продолжение некоторого времени в лоне активной массы, впадает вскоре вследствие излучений, исходящих от нее, или по какой-либо другой неизвестной причине в особое состояние, весьма близкое к “зачарованности”, овладевающей загипнотизированным человеком под влиянием гипнотизера. Сознательная личность совершенно утеряна, воля и способность различения отсутствуют, все чувства и мысли ориентированы в направлении, указанном гипнотизером.

Таково, приблизительно, и состояние индивида, принадлежащего к психологической массе. Он больше не осознает своих действий. Как у человека под гипнозом, так и у него известные способности могут быть изъяты, а другие доведены до степени величайшей интенсивности. Под влиянием внушения он в непреодолимом порыве приступит к выполнению определенных действий. И это неистовство у масс еще непреодолимее, чем у загипнотизированного, ибо равное для всех индивидов внушение возрастает в силу их взаимодействия.

Следовательно, главные отличительные признаки находящегося в толпе индивида таковы: исчезновение сознательной личности,

преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заражения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным автоматом».

Я привел эту цитату так подробно, чтобы подтвердить, что Лебон действительно признает состояние индивида в толпе состоянием гипнотическим, а не только его с таковым сравнивает. Мы не намереваемся с ним спорить, но хотим все же подчеркнуть, что последние две причины изменения отдельного человека в толпе, а именно: заражаемость и повышенная внушаемость — очевидно, не однородны, так как ведь заражение тоже должно быть проявлением внушаемости. Нам кажется, что и воздействия обоих моментов у Лебона недостаточно четко разграничены. Может быть, мы лучше всего истолкуем его высказывания, если отнесем заражение к влиянию друг на друга отдельных членов толпы, а явления внушения в толпе, равные феноменам гипнотического влияния, — к другому источнику. Но к какому? Тут мы замечаем явный пробел: у Лебона не упоминается центральная фигура сравнения с гипнозом, а именно лицо, которое массе людей заменяет гипнотизера. Но он все же указывает на различие между этим не разъясненным «зачаровывающим» влиянием и тем заражающим воздействием, оказываемым друг на друга отдельными индивидами, благодаря которому усиливается первоначальное внушение.

Приведем еще одну важную точку зрения для суждения о массовом индивиде: «Кроме того, одним лишь фактом своей принадлежности к организованной массе человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. Будучи в одиночестве, он был, может быть, образованным индивидом, в массе он — варвар, то есть существо, обусловленное первичными позывами. Он обладает спонтанностью, порывистостью, дикостью, а также и энтузиазмом, и героизмом примитивных существ». Затем Лебон особо останавливается на снижении интеллектуальных достижений, происходящем у человека при растворении его в массе.

Оставим теперь отдельного человека и обратимся к описанию массовой души в изложении Лебона. В нем нет моментов, происхождение и классификация которых затруднила бы психоаналитика. Лебон указывает нам путь, подтверждая соответствие между душевной жизнью примитивного человека и ребенка.

Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное. Импульсы, которым повинуются масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь довлеющи, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения. Ничто у нее не бывает преднамеренным. Если она страстно желает чего-нибудь, то всегда ненадолго, она неспособна к постоянству воли. Она не выносит отсрочки между желанием и осуществлением желаемого. Она чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного.

Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она не критична, неправдоподобного для нее не существует. Она мыслит образами, порождающими друг друга ассоциативно, — как это бывает у отдельного человека, когда он свободно фантазирует, — образами, не выверяющимися рационально на соответствие с действительностью. Чувства толпы всегда просты и весьма гиперболичны. Масса, таким образом, не знает ни сомнений, ни неуверенности.

Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии — в дикую ненависть.

Склонную ко всем крайностям массу возбуждают тоже лишь чрезмерные раздражения. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое.

Так как масса в истинности или ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету. Она уважает силу, добротой же, которая представляется ей всего лишь разновидностью слабости, руководствуется лишь в незначительной мере. От своего героя она

требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина. Будучи в основе своей вполне консервативной, она испытывает глубокое отвращение ко всем новшествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией.

Для правильного суждения о нравственности масс следует принять во внимание, что при совместном пребывании индивидов в массе у них отпадают все индивидуальные тормозящие моменты и просыпаются для свободного удовлетворения первичных позывов все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в отдельной особи как пережитки первобытных времен. Но, под влиянием внушения, массы способны и на большое самоотречение, бескорыстие и преданность идеалу. В то время как у изолированного индивида едва ли не единственным побуждающим стимулом является личная польза, в массе людей этот стимул преобладает очень редко. Можно даже говорить о повышении нравственного уровня отдельного человека под воздействием массы. Хотя и интеллектуальные достижения массы всегда много ниже достижений отдельного человека, ее поведение может как намного превышать уровень индивида, так и намного ему уступать.

Некоторые другие черты в характеристике Лебона подтверждают право отождествить массовую душу с душой примитивного человека. У масс могут сосуществовать и согласоваться самые противоположные идеи, без того чтобы из их логического противоречия возник конфликт. То же самое мы находим в бессознательной душевной жизни отдельных людей, детей и невротиков, как это давно доказано психоанализом. Амбивалентные эмоциональные переживания маленького ребенка к близким ему людям могут долгое время сосуществовать, причем выражение одного из них не мешает выражению противоположного. Если, наконец, все же возникает конфликт, то он разрешается тем, что ребенок меняет объект и переносит одно из амбивалентных душевных движений на другое лицо. Из истории развития невроза у взрослого человека мы также можем узнать, что подавленное душевное переживание часто долгое время продолжает жить в бессознательных и даже сознательных фантазиях, содержание которых, конечно, прямо противоположно

доминирующему стремлению, причем эта противоположность не вызывает, однако, активного противодействия «Я» к тому, что было им отброшено. Это «Я» часто довольно долго потворствует фантазии. Но затем внезапно, обычно вследствие повышения аффективного характера фантазии, конфликт между фантазией и «Я» разверзается со всеми своими последствиями.

Далее, масса подпадает под поистине магическую власть слова, которое способно вызывать в массовой душе страшнейшие бури или же эти бури укрощать. «Логикой и доказательствами против определенных слов и формул борьбы не поведешь. Стоит их произнести с благоговением, как на физиономиях тотчас появляется почтение и головы склоняются». Многие усматривают в слове стихийные силы или силы сверхъестественные. Достаточно вспомнить о табу имен у примитивных народов, о магических силах, которые заключены для них в именах и словах.

И, наконец, массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых не могут жить. Ирреальное для них всегда имеет приоритет перед реальным, нереальное влияет на них почти так же сильно, как реальное. Массы имеют явную тенденцию как минимум не видеть между ними разницы.

Это преобладание фантазии, а также иллюзии, создаваемой не исполнившимся желанием, определяет, как мы утверждаем, психологию неврозов. Мы нашли, что для невротиков существенна не обычная объективная, а психическая реальность. Истерический симптом основывается на фантазии, а не на повторении действительного переживания, невротическая навязчивая идея сознания вины — на злом намерении, никогда не доходящем до осуществления. Да, так же, как во сне и под гипнозом, проверка на реальность в душевной деятельности массы отстает перед интенсивностью аффективных, порожденных желанием импульсов».

Мысли Лебона о вождях масс изложены менее исчерпывающим образом, и закономерности остаются недостаточно выясненными. Он думает, что, как только живые существа собраны воедино в определенном количестве, все равно, будь то стадо животных или человеческая толпа, они инстинктивно подчиняются вожаку. Масса —

послушное стадо, которое не в силах жить без господина. У нее такая жажда подчинения, что она инстинктивно подчиняется каждому, кто назовет себя ее властелином.

Хотя потребность массы идет вождю навстречу, он все же должен соответствовать этой потребности своими личными качествами. Он должен быть сам захвачен глубокой верой (в идею), чтобы пробудить эту веру в массе; он должен обладать сильной харизмой, которую переймет от него безвольная масса. Далее Лебон обсуждает разновидности вождей и средства, которыми они влияют на массы. В общем, он считает, что вожди становятся влиятельными благодаря тем идеям, к которым сами они относятся фанатически.

Этим идеям, как и вождям, он приписывает помимо этого таинственную, неотразимую власть, называемую им «авторитетом». Авторитет есть своего рода господство, которое возымел над ними индивид, деяние или идея. Оно полностью парализует нашу способность к критике и наполняет нас удивлением и уважением. Оно вызывает, очевидно, чувство, похожее на замороженность гипнозом.

Лебон различает приобретенный, или искусственный, и личный авторитет. Первый, когда речь идет о людях, присваивается благодаря имени, богатству, репутации, когда же речь заходит о воззрениях, художественных произведениях и т. п., — авторитет завоевывается посредством традиции. Так как во всех случаях авторитет строится на прошлых заслугах, то это загадочное влияние прошлого трудно понять. Авторитетом обладают немногие люди, и благодаря ему они становятся вождями. Авторитет подчиняет им всех и вся, как бы воздействуя на них волшебными чарами. Однако авторитет зависит от успехов личности и теряется, если ее преследуют неудачи.

Надо отметить, что у нас складывается впечатление, что роль вождя и авторитета рассматриваются у Лебона не столь убедительно, как выполненная им поистине блестяще характеристика массовой души.

III. ДРУГИЕ ОЦЕНКИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ

Анализ Лебона бессознательной душевной жизни взят нами за основу и использован в качестве введения, так как его характеристика массового сознания совпадает с нашими взглядами. Но теперь нужно добавить, что, в сущности, ни одно утверждение этого автора не содержит ничего абсолютно нового. Все, что он говорит отрицательного и дискредитирующего о проявлениях массовой души, так же определено и так же непредвзято говорили до него и другие, все это повторяется примерно в том же духе с древнейших времен мыслителями, государственными деятелями и поэтами. Оба тезиса, содержащие наиболее важные взгляды Лебона, а именно — о торможении коллективом интеллектуальной деятельности и о повышении в людской массе аффективности — были незадолго до него сформулированы, например, Зигеле. В сущности, Лебону лично принадлежит только точка зрения на бессознательное и сравнение массовой психологии с душевной жизнью первобытных людей, но и на эту тему неоднократно высказывались до него и другие.

Более того: описание и оценка массового сознания Лебоном и другими весьма часто подвергались критике. Нет сомнения, что они правильно оценивали все вышеописанные феномены массового сознания, однако можно заметить и другие, как раз противоположно действующие проявления массообразования, приводящие нас к гораздо более высокой оценке массового сознания.

Ведь и Лебон готов был признать, что нравственный облик людской массы в иных случаях бывает выше, чем нравственность составляющих ее индивидов, и что только совокупность людей способна к высокому бескорыстию и преданности.

«В то время как у изолированного индивида едва ли не единственным побуждающим стимулом является личная польза, в массе людей этот стимул преобладает очень редко».

Некоторые авторы заявляют, что, в сущности, только общество является тем, что предписывает человеку нормы его нравственности, отдельный же человек, как правило, от этих высоких требований так или иначе отстает.

Кроме того, в исключительных обстоятельствах в коллективе возникает энтузиазм, благодаря которому совершаются замечательнейшие массовые подвиги.

Что касается интеллектуальных достижений, то все же продолжает оставаться неоспоримым, что великие открытия интеллектуальной работы и разрешение крупных проблем подвластны лишь отдельному человеку, трудящемуся в уединении. Но и массовая душа способна на гениальное духовное творчество, и это прежде всего доказывает сам язык, а также народная песня, фольклор и т. д. И кроме того, остается нерешенным, насколько мыслитель или поэт обязан стимулам, полученным им от массы, среди которой он живет, и не подводит ли он скорее итог той душевной работы, в которой одновременно участвовали и другие.

Ввиду этой полной противоречивости может показаться, что работа массовой психологии не должна увенчаться успехом. А между тем есть обнадеживающие моменты, которые нетрудно найти. Вероятно, в понятие «масс» были включены весьма различные образования, которые нуждаются в разграничении. Данные Зигеле, Лебона и других анализируют массы недолговечного рода, т. е. такие, которые быстро собираются из разнородных индивидов, объединяемых каким-нибудь преходящим интересом. Совершенно очевидно, что на исследования этих авторов повлиял характер революционных масс, особенно времен Великой французской революции. Противоположные утверждения исходят из оценки тех устойчивых масс или общественных образований, в которых люди живут и работают. Массы первого рода являются как бы надстройкой над массами второго рода, подобно кратким, но высоким морским волнам над длительной мертвой зыбью.

Макдугалл в своей книге «The group Mind» (Cambridge, 1920)* исходит из этого вышеупомянутого противоречия и находит его разрешение, анализируя организационный момент. В простейшем случае, говорит он, масса (group) вообще не имеет никакой или почти

никакой организации. Он называет такую массу толпой (crowd). Однако признает, что толпа людская едва ли может образоваться без того, чтобы в ней не появились хотя бы первые признаки организации, и что как раз у этих простейших масс особенно легко заметить некоторые основные факты коллективной психологии. Для того чтобы из случайно собравшихся членов людской толпы образовалось нечто вроде массы в психологическом смысле, необходимо условие, чтобы эти отдельные единицы имели между собой что-нибудь объединяющее: общий интерес, аналогичную при известной ситуации душевную направленность и, вследствие этого, известную степень способности влиять друг на друга. Чем сильнее это духовное единство, тем легче из отдельных людей образуется психологическая масса и тем более наглядны проявления «массовой души».

Самым удивительным и вместе с тем важным феноменом массы является повышение аффективности, проявляющееся в каждом отдельном ее члене. Можно сказать, по мнению Макдугалла, что аффекты отдельного человека едва ли дорастают до такой степени, как это бывает в массе, а кроме того, для каждого члена толпы является наслаждением безудержно предаваться своим страстям, при этом растворяясь в массе, теряя чувство своей индивидуальной обособленности. Макдугалл объясняет эту захваченность индивидов в общий поток особым, т. е. уже знакомым нам эмоциональным заражением. Кроме того, замечено, что наблюдаемые признаки состояния аффекта способны автоматически вызвать у наблюдателя тот же самый аффект. Это автоматическое принуждение тем сильнее, чем больше количество лиц, в которых одновременно наблюдается проявление того же аффекта. Тогда замолкает критическая способность личности и человек отдается аффекту. Но при этом вновь присоединившиеся повышают возбуждение у тех, кто вначале на них повлияли и таким образом аффективный заряд отдельных лиц повышается взаимной индукцией. При этом, несомненно, возникает нечто вроде потребности подражать другим, оставаться в созвучии с «множеством». У более грубых и элементарных чувств — наибольшие перспективы распространяться в массе именно таким образом.

Этому механизму возрастания аффекта благоприятствуют и некоторые другие исходящие от массы влияния. Масса производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности. На мгновение она заменяет все человеческое общество, являющееся носителем авторитета, наказаний которого страшились и во имя которого себя столь ограничивали. Совершенно очевидна опасность массе противоречить, и можно себя обезопасить, следуя окружающему тебя примеру, то есть иной раз даже «по волчьей воя», т. е. против собственного желания. Подчиняясь новому авторитету, индивид может выключить свою прежнюю совесть, предавшись при этом соблазну наслаждения, безусловно испытываемому при отбрасывании торможения. Поэтому не столь уж удивительно, если мы наблюдаем человека, в массе совершающего или приветствующего действия, от которых он в своих привычных условиях отвернулся бы. Мы вправе надеяться, что благодаря этим наблюдениям рассеем тьму, обычно окутывающую загадочное слово «внушение».

Макдугалл не оспаривает тезиса о коллективном снижении интеллекта масс. Он говорит, что более низкие интеллекты снижают более высокие до своего уровня. Деятельность последних затруднена, так как нарастание аффективности вообще создает неблагоприятные условия для правильной духовной работы; имеет влияние и то, что отдельный человек запуган массой и его мыслительная работа несвободна; а кроме того, в массе понижается сознание ответственности отдельного человека за свои действия.

Окончательное суждение о психической деятельности простой «неорганизованной» массы у Макдугалла не более благосклонно, чем у Лебона. Такая масса крайне возбуждима, импульсивна, страстна, неустойчива, непоследовательна и нерешительна и притом в своих действиях всегда готова к крайностям, ей доступны лишь грубые страсти и элементарные чувства, она чрезвычайно сильно поддается внушению, рассуждает легкомысленно, опрометчива в суждениях и способна воспринимать лишь простейшие и наименее обоснованные выводы и аргументы, массу легко направлять и легко ее потрясти, она лишена самосознания, самоуважения и чувства ответственности, но

дает сознанию собственной мощи толкать ее на такие злодеяния, какие мы можем ожидать лишь от абсолютной и безответственной власти. Она ведет себя скорее как невоспитанный ребенок или как оставшийся без надзора страстный дикарь, попавший в чуждую для него обстановку; в худших случаях ее поведение больше похоже на поведение стаи диких животных, чем на поведение человеческих существ.

Так как Макдугалл противопоставляет поведение высоко организованной массы описанному выше, нам будет чрезвычайно интересно, в чем же состоит эта организация и какими моментами она создается. Автор насчитывает пять таких «principal conditions»* поднятия душевной жизни массы на более высокий уровень.

Первое основное условие — известная степень постоянства состава массы. Масса может быть стихийной или организованной. Первый случай — если те же лица остаются в массе более продолжительное время, второй — если внутри самой массы создаются известные должности, на которые последовательно назначаются сменяющие друг друга лица. Второе условие в том, чтобы отдельный человек массы составил себе определенное представление о природе, функциях, достижениях и требованиях массы, чтобы таким образом у него создалось эмоциональное отношение к массе как целому.

Третье — чтобы масса вступила в отношения с другими сходными, но во многих случаях и отличными от нее массовыми образованиями, чтобы она даже соперничала с ними.

Четвертое — наличие в массе традиций, обычаев и установлений, особенно таких, которые касаются отношений членов массы между собой.

Пятое — наличие в массе подразделений, выражающихся в специализации и дифференциации работы каждого отдельного человека.

Согласно Макдугаллу, осуществление этих условий устраняет психические дефекты образования массы. Защита против снижения коллективом достижений интеллигенции — в отстранении массы от решения интеллектуальных заданий и в передаче их отдельным выбранным лицам.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ